

Первый Всемирный форум выпускников МГИМО в Баку

11-13 апреля в столице Азербайджана Баку состоялось знаменательное событие – первый Всемирный форум выпускников МГИМО «Вместе в будущее!». Баку был выбран в качестве места проведения столь масштабной встречи выпускников неслучайно – президент Азербайджана И.Г. Алиев, под патронажем которого проводился Форум, является не просто выпускником МГИМО, но также единственным на настоящий момент главой государства из числа тех, кто в разные годы окончил Университет. Форум в Баку можно считать поистине уникальным – он стал первым мероприятием подобного рода, проводимым российским вузом, однако еще большее внимание обращает себя выдающийся состав его участников.

В Баку собралось множество блестящих выпускников Университета, среди которых - высокопоставленные государственные деятели (министр культуры РФ В.Р. Мединский, специальный представитель президента России по делам СНГ, руководитель Россотрудничества К.И. Косачев, вице-премьер Украины К. Грищенко, вице-премьер и министр иностранных дел Словакии М. Лайчак), представители бизнеса (генеральный директор «ЛУКОЙЛ Болгария» В. Златев, вице-президент нефтегазовой компании «SOCAR» Э.М. Насиров), высокопоставленные сотрудники международных организаций (управляющий директор по России Европейского банка реконструкции и развития Н.В. Ханженкова, спецпредставитель генерального секретаря ООН в Афганистане Я. Кубиш). Ряд выпускников, которыми Университет особенно гордится (в их числе министр иностранных дел России С.В. Лавров, генеральный директор ЮНЕСКО И. Бокова, заместитель Генерального секретаря ООН К.-Ж. Токаев) прислали свои приветственные обращения.

Значимость Форума подчеркивает тот факт, что приветственное письмо в адрес его участников направил Президент Российской Федерации В.В. Путин, выразивший уверенность в том, что подобные инициативы обогащают палитру межгосударственных отношений. Таким образом, Форум стал большим событием не только для МГИМО, но и для российской внешней политики и имиджа России за рубежом. Одной из важнейших целей Форума стал обмен идеями о том, как совместными усилиями государственной власти, бизнеса и гражданского общества найти ответы на вызовы современного мира. Для этого в программе Форума было предусмотрено обсуждение актуальных вопросов международной повестки дня, в том числе объединяющей роли образования в решении вопросов взаимопонимания и устранении проблем, приводящих к возникновению конфликтов, энергетического и экологического измерений глобальной экономики, роли бизнеса и медиаобщества в развитии международных отношений.

В рамках Форума состоялась церемония присвоения ректору МГИМО, академику РАН А.В. Торкунову степени Почетного доктора Азербайджанской Дипломатической академии, где он выступил с докладом о международных отношениях в посткризисный период. Со стороны МГИМО в дар Академии были переданы актуальные издания преподавателей и научных сотрудников Университета, выставка которых проходила в дни проведения Форума. Также в ходе визита было принято решение об открытии совместных магистерских программ между вузами, которые уже не первый год связаны партнерскими отношениями.

Помимо содержательной составляющей, Форум во многом превратился во встречу настоящих друзей, на которой выпускники разных лет и поколений получили возможность вспомнить студенческие годы и поделиться интересными эпизодами из студенческой жизни. Все это сделало Форум живым и ярким мероприятием, надолго запомнившимся участникам. Остается добавить, что в ответ на многочисленные пожелания проведение подобных встреч отныне решено организовывать на регулярной основе.

Международные отношения в посткризисном мире: взгляд из России

А.В. Торкунов

Мое сегодняшнее выступление опирается на две гипотезы. Первая состоит в том, что мировой кризис, по крайней мере его острая фаза, завершается. Отсюда приставка «пост». Вторая гипотеза состоит в том, что современный кризис стал по целому ряду объективных причин еще и своеобразной границей для нового этапа в развитии современной миросистемы. В этом и есть заслуга собственно кризиса, который все чаще получает определение кризиса «структурного», перетряхнувшего мировые экономические равновесия, балансы. В силу своего структурного характера кризис стал качественной границей в развитии целого ряда тенденций и процессов, вызревавших в политической сфере в предыдущие два с лишним десятилетия.

Структурный кризис как этап в развитии современной миросистемы

Действительно, многие игроки на мировом экономическом пространстве поменялись ролями: померк образ еще недавно бесспорного лидера – Соединенных Штатов Америки, теперь превратившегося в самого крупного должника в мире, обвешанного всеми возможными дефицитами (бюджетного, текущего платежного и торгового балансов), с небывало высокой хронической безработицей, с ускорившейся тенденцией острого социального неравенства. С другой стороны, ряд стран «восходящей рыночной экономики» бьют рекорды по росту ВВП, располагают существенными валютными резервами, активно действуют на региональных и даже на мировых рынках. Они если и страдают от разразившегося мирового кризиса, то преимущественно косвенно, вследствие неурядиц и рецессии в развитых капиталистических странах, в первую очередь в Европейском союзе и США.

Кстати, именно это определяет парадоксальность в восприятии современного кризиса во многих странах постсоветской Евразии, в том числе в России и Азербайджане, в странах АТР, некоторых государствах Латинской Америки. Влияние кризиса

на каждодневную жизнь граждан, на функционирование национальной экономики в ее тактическом, обособленном от мировой экономики цикле оказалось зачастую меньшим, чем в первом «постбиполярном» кризисе 1997–1998 гг. Однако даже локальный рост, или, скажем так, сопротивление падению национальной экономической динамики не смог остановить структурных последствий глобального порядка.

Ярким примером в дополнение к названным США и уже «хрестоматийно кризисному» ЕС является Китай. Эта самодостаточная, как казалось, экономика «проскочила» первую фазу кризиса, но в результате оказалась в ситуации структурного тупика, выход из которого – в качественной перестройке экономики и в замедлении темпов роста с тем, чтобы эти качественные изменения перевалить. Суммирование «структурных» признаков современного кризиса выводит нас примерно на следующие компоненты:

- качественный разрыв между схожими по объему экономиками мира (очевидно, что могущество Китая и США построено на принципиально разных экономических моделях или даже формациях);

- фактическая деиндустриализация номинально индустриальных стран развитого мира (примеры «аутсорсинговой» промышленной экономики дают те же США и ряд стран ЕС);

- колоссально нарастающие объемы финансовых деривативов, де-факто пустых финансовых обязательств, разгоняющих цены, инвестиционные ожидания, создающие феномен «виртуализации» экономики. Ярким примером этому является энергетический сектор, где зачастую более половины цены на ту же нефть формируют сугубо вторичные финансовые компоненты. В тактическом плане – это, возможно, хорошо, но в стратегическом – это все-таки перспектива одномоментного обвала рынков группой спекулянтов;

- качественная деградация традиционных многосторонних механизмов финансово-эконо-

Торкунов Анатолий Васильевич – академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Данная статья построена на основных тезисах выступления А.В. Торкунова в Дипломатической академии МИД Азербайджана. E-mail: vestnik@mgimo.ru

мического регулирования, невозможность для них вырваться за пределы операционно-тактического уровня регулирования мировой экономики.

Для целого ряда стран, в том числе для России и Азербайджана подушкой безопасности, смягчившей ощущения от кризиса, стали энергетические доходы и накопления, сделанные благодаря этим доходам. Логика создания мощных резервных фондов в нашем случае полностью оправдала себя. Но столь успешное тактическое поведение наших стран не должно затенять глобальную картину структурных изменений. Долгосрочная реакция на них требует дополнительного и серьезного анализа.

Проблема концептуализации современного миропорядка и политическая рецессия мирового развития

Стоит отметить, что уже к середине прошлого десятилетия большинство «модных» теорий начала 1990-х гг. («конец истории», «столкновение цивилизаций», «всеобщего демократического мира» и проч.) показали свою операционную непригодность, катастрофическую скорость устаревания, а «большие теории» (реализм, марксизм, функционализм) – замедленную реакцию на накапливающиеся изменения. Парадоксально, но в сфере осмысления мировой и национальной экономики степень концептуализации столь же низка. Известный российский экономист, президент компании экспертного консультирования «Неокон» Михаил Хазин на вопрос о каких-либо теоретических разработках по развивающимся на наших глазах кризисным процессам ответил: «Если говорить о теориях, то их нет, есть лишь «общие слова». И это основная проблема современного «экономического мейнстрима»... «Экономический мейнстрим», во всяком случае, к науке никакого отношения не имеет точно».

Именно поэтому представляется, что мы обречены на достаточно долгое существование в рамках верных, но весьма общих констатаций о полицентричности и одновременной иерархичности современного мира. Думаю, что для многих постсоветских стран, в частности для России, можно констатировать факт появления обильной хаотической и самодеятельной псевдонаучной продукции. Одним из последствий этого является либо беспорядочное, либо, наоборот, ритуальное использование терминов (глобализация, модернизация, инновация и т.п.), чаще всего без понимания их понятийного содержания, в результате чего мы столкнулись фактически с понятийным кризисом.

В целом международные отношения входят в период нелинейного развития. Разглядеть в современных условиях продолжение тенденций 1990-х или даже начала 2000-х гг. можно только действительно в самых базовых сегментах мирового развития. Нынешний период можно охарактеризовать и как «политическую рецессию», наступившую после двадцати лет быстрых количественных и качественных изменений. Используя исторические аналогии, наше время можно сравнить с десятилетием середины 1970-х – 1980-х гг. Действительно,

к середине 1970-х гг. были сделаны необходимые экономические, политические и институциональные коррективы в Ялтинско-Потсдамском порядке и Бреттон-Вудской системе, а основные игроки сосредоточились на «обустройстве» своих региональных и функциональных интересов в отдельных сегментах миропорядка.

Концептуализация представлений о мире, равно как и обретение самой системой ее завершенных очертаний, будет идти скорее через более четкое оформление «секторальных» явлений в экономике, сфере безопасности, международном праве, равно как и через более жесткое структурирование региональных политико-экономических ареалов. То есть новая система международных отношений будет логично выстраиваться от частного к общему. Попытки построения новой системы по мановению руки невидимого, но доброго волшебника – утопия двадцатилетней давности. Те элементы миропорядка, которые мы зложим вокруг России, станут элементами и общей системы. Нам и нашим партнерам здесь важно добиться принципиальной совместимости «деталей», из которых мы строим окружающую нас реальность.

Многосторонняя инфраструктура современного мира

Вместе с тем можно говорить о том, что базовые параметры современной системы международных отношений уже неплохо различимы. Значительно облегчила этот процесс институциональная преемственность постбиполярной системы, унаследовавшая основные многосторонние институты периода конфронтации. Большинство этих институтов прошло успешную адаптацию к современным условиям. Инфраструктуру современной международной системы образуют устойчивые межгосударственные (межправительственные) организации и иные форматы многостороннего взаимодействия государств. В целом деятельность этих механизмов носит в основном производный, вторичный характер относительно функций, роли, позиционирования государств на международной арене. Но их значение для организации современной международной системы, безусловно, велико.

А некоторые многосторонние структуры занимают особое место в существующем международном порядке. Прежде всего это относится к Организации Объединенных Наций. Она остается уникальной и незаменимой по своей роли. Это, во-первых, роль политическая: ООН придает легитимность акциям международного сообщения, «освящает» те или иные подходы к проблемным ситуациям, является источником международного права, несравнима ни с какими другими структурами по своей представительности. Во-вторых, роль функциональная – деятельность по десяткам конкретных направлений, многие из которых «осваиваются» только по линии ООН.

В новой системе международных отношений востребованность ООН в обоих этих качествах только возрастает. Да, ООН является объектом

■ Международные отношения

острой критики – за низкую эффективность, бюрократизацию, неповоротливость и т.п. Формирующаяся сегодня международная система вряд ли прибавляет какие-либо принципиально новые стимулы к осуществлению преобразований в ООН. Однако она усиливает настоятельность этих преобразований, тем более что возможность их осуществления в новых международно-политических условиях, когда ушло в прошлое биполярное противостояние, становится более реалистичной.

Для реализации политической воли, неотложных инициатив новаторского плана в сфере экономики и финансов существует механизм «Группы восьми». В ходе своей эволюции, под влиянием национальных позиций, в том числе и нашей страны, происходит постоянная «настройка» этого инструмента глобального регулирования. В качестве более адекватного ответа на задачи и вызовы, поставленные мировым экономическим кризисом, возник новый формат многостороннего взаимодействия – «Группа двадцати». «Двадцатка» обретает все более широкую популярность в качестве представительного пула государств.

Россия последовательно встраивается в глобальные процессы. Новые возможности появляются со вступлением нашей страны в ВТО, а в перспективе – и в ОЭСР. Признание роли России в мире находит свое отражение в председательстве ее в различных международных форматах – в АТЭС в 2012 г., в «Группе двадцати» – в нынешнем, в «Группе восьми» – в 2014 г. В 2015 г. мы будем председательствовать в Шанхайской организации сотрудничества и в объединении БРИКС. Это, несомненно, одно из свидетельств укрепления институциональных позиций России. В конце концов, Россия сама стала инициатором и соавтором нового институтостроительства, несомненные достижения которого – уже упоминавшиеся СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС/Таможенный союз, БРИКС, Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ), ряд субрегиональных структур.

Правовое измерение современных международных отношений требует переосмысления и, по-видимому, кардинального реформирования. При уважении к базовым принципам международного права нельзя бесконечно ориентироваться на правоприменительную практику периода формирования Ялтинско-Потсдамской системы. Действительно, «мудрость предшествующих поколений» не может помочь в регулировании новых международных явлений, тем более в сферах, которые вообще были вне предмета рассмотрения еще полвека назад, будь то экология, трансграничные энергетические рынки или регулирование информационных потоков в Интернете.

Противодействие терроризму, наркотрафику, криминализованной миграции, незаконным финансовым потокам стало составной частью международной активности государств и многосторонних институтов. Современное миротворчество даже после периода активной «практики»

1990-х гг. так и не нашло консенсусного ответа на вопросы, связанные с принуждением к миру силой, гуманитарной интервенцией. Казус Косово остается локализованным и не распространяется на другие частично признанные международные субъекты. Актуализированная в связи с постбиполярными конфликтами проблематика международной уголовной юстиции также не является источником согласия в международном сообществе.

Источники международной динамики: региональные подсистемы

Мотором дальнейшей эволюции современной системы мира является формирование новых и реформирование старых региональных подсистем. Целый ряд тенденций и процессов продолжают «переламявать» устоявшиеся за последние два десятилетия очертания мировой системы. К этим процессам можно отнести новый тип ближневосточной конфликтности и нестабильности, который уже не может объясняться и определяться пустым романтическим термином «арабская весна». «Весенние» события на Ближнем Востоке ставят, как минимум, два вопроса: кем будут заменены уходящие авторитарные, однако светские режимы и будут ли новые лидеры более адекватными в выстраивании отношений с окружающим миром?

Постсоветский ареал объективно ориентирован на перемены, в которые заложен как позитивный потенциал, реализуемый в многосторонних механизмах сотрудничества, «открытого регионализма» (ШОС), так и потенциал негативный, связанный с дальнейшим «разламыванием» этого пространства, субрегиональным обособлением, которое с учетом латентных конфликтных очагов может привести к нарастанию нестабильности. Однако надеюсь, что Таможенный союз и Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана, а с 2015 г. и Евразийский экономический союз внесут заметный вклад в решение задачи обеспечения устойчивого развития и на пространстве СНГ, и в соседних регионах. Вообще углубление интеграционных процессов на пространстве Содружества – курс, рассчитанный на стратегическую перспективу. У создаваемого интеграционного механизма имеются все основания стать связующим звеном между АТР и Европейским союзом.

Мы зачастую излишне скромны или просто не осознаем собственных достижений, но в рамках того же Содружества на протяжении двух десятилетий де-факто функционирует механизм особых взаимных предпочтений в экономико-социальной сфере. Вступление России и многих наших соседей в ВТО, подписание и вступление в силу соглашения о зоне свободной торговли СНГ, основанное на принципах ВТО, придает необходимую системность нашим усилиям.

Серьезным элементом отношений на постсоветском пространстве являются российско-азербайджанские связи, которые строятся на прочном

двустороннем фундаменте и с использованием всех тех преимуществ, которые дают многосторонние механизмы Содружества. Важнейшим фактором этих отношений являются устойчивые гуманитарные контакты, предельно тесное переплетение экономической жизни наших стран, в частности в сфере энергетики. Огромные ресурсы в себе таит потенциал взаимного инвестирования, в том числе в высокотехнологичные сектора. Россия и Азербайджан, сохраняя приверженность национальным интересам, демонстрируют своим соседям умение находить компромиссы, солидарно выступать по важнейшим проблемам мирового развития и международной безопасности.

Европейская система в годы кризиса стала серьезным элементом неустойчивости мировой экономики. В Европе сохраняется чуть менее горячий, но все-таки активный резервуар нестабильности на Балканах. Вместе с тем именно Европа продолжает создавать новые положительные прецеденты мирового развития – переход к высшей стадии интеграции, распространение режима европейского права и экономических регуляций ЕС на соседние страны.

Североатлантический альянс – НАТО добивается не просто статуса регионального соглашения, но претендует на некую особую роль в мировой архитектуре безопасности. В силу специфики стран ЦВЕ, Балтии, устремлений европейских стран постсоветского пространства начинает складываться специфический ареал «новой Восточной Европы».

Международные отношения в Южной Азии с ее объективным лидером – Индией перестают быть самодостаточными. С одной стороны, южноазиатская подсистема оказывается под угрозой миграции негативных факторов из региона Ближнего Востока, с другой – все больше смещается в тихоокеанском направлении, а Индия высвобождает свой потенциал для активной роли великой державы.

США сохраняют серьезный лидерский отрыв от других игроков мировой сцены. Напористое, но неудачное в конечном итоге мессианство периода администрации Дж. Буша-младшего сменилось на более кооперативный, зачастую реализуемый через многосторонние институты, курс Б. Обамы. Однако президентство Обамы «споткнулось» об «арабскую весну», где рецидивы политики предшественников дали себя знать. Несомненной удачей является то, что экономический кризис совпал с периодом кооперативного подхода в политике США. Дело в том, что его преодоление идет в значительной степени путем коллективных усилий и по линии многосторонних институтов. Внешняя политика США многогранна и движется множеством разнонаправленных факторов. Она показала, что может сочетать в себе «перезагрузку» в отношениях с Россией (возможности которой не исчерпаны) и ставку на развертывание национальной ПРО в Европе, нюансированный курс в корейском и афганском вопросах и упорство в сирийском.

Сигналы к готовности взаимодействовать со стороны Вашингтона есть: это и смягчение позиции по ПРО, и фактическое возобновление энергетического диалога, частью которого стала известная сделка национальных нефтяных компаний – «Роснефти» и «Эксон». Латинская Америка, завершив наиболее крутые виражи «левого поворота» в самый канун кризиса, демонстрирует поступательное движение к зрелой региональной системе, становится игроком мирового масштаба. Опорными элементами здесь остаются интеграционные инициативы, прежде всего МЕРКОСУР. Лидеры региона активно включаются в мировые диалоговые структуры или участвуют в их создании (БРИКС, «Двадцатка»). Своеобразным экзаменом на зрелость станет «пост-чавесовский» период в Венесуэле.

Африканский континент продолжает быть укором современному развитию. Несмотря на усилия международного сообщества, самих стран Африки, континент подвержен активной конфликтности, деградации стабильности в странах и субрегионах, масштабному проникновению трансграничных негативных процессов в регион. Наиболее беспокоящее явление – превращение отдельных территорий в Африке в анклав, подконтрольные негосударственным акторам экстремистского характера. В Африке не завершен процесс национально-государственного строительства, и мы можем ожидать дальнейших изменений на политической карте континента. Ситуация в Мали – именно такой случай.

Я уже несколько раз упоминал проблематику АТР, но преимущественно в экономическом разрезе. К сожалению, этот регион начал демонстрировать буквально взрывное нарастание нестабильности, связанной с традиционными военными факторами. Противоречия двух зрелых и ответственных держав – Китая и Японии – вокруг островов Сенкаку на фоне корейского кризиса проблемой не представляются. Ясно, что в Пекине и Токио найдут *modus operandi*. Ситуация же на Корейском полуострове, без преувеличения, никогда после окончания корейской войны не выходила на столь опасный уровень конфронтации.

Суммируя, хотел бы еще раз подчеркнуть, что современная система, проходящая через структурный кризис, выдерживающая при этом огромное число вызовов регионального и функционального плана в политической сфере, однозначно демонстрирует разрыв с миром ранней пост-биполярности. Возможно, в ближайшее время, говоря о действительно современных международных отношениях, мы будем подразумевать в качестве стартовой линии 2008–2009 гг., а вовсе не 1991 г. или 2001 г., как это мы привыкли делать сегодня.

Torkunov A. V. International relations in the post-crisis world: a view from Russia.